

DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-60-65

УДК 343.34

Уголовная политика противодействия преступлениям террористической направленности в советский период

Н. Н. МАРШАКОВА – доцент кафедры социально-правовых дисциплин Приволжского института повышения квалификации ФНС России, кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматривается эволюция уголовной политики противодействия преступлениям в советский период. Обращается особое внимание на полисемию принимаемых нормативных правовых актов, носящих классовый характер, в которых устанавливается ответственность за контрреволюционные преступления и особо опасные государственные преступления.

Ключевые слова: уголовная политика; уголовная ответственность; декретное законодательство; уголовный кодекс; контрреволюционное преступление; террористический акт; представитель иностранного государства.

12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Маршакова Н. Н. Уголовная политика противодействия преступлениям террористической направленности в советский период. *Ius publicum et privatum* : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права, 2021, № 3 (13), с. 60–65, DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-60-65.

Criminal Policy in the Sphere of Countering Terrorist Crimes in the Soviet period

N. N. MARSHAKOVA – associate professor at the Department of Social and Legal Disciplines, Volga Institute for Advanced Training of the Federal Tax Service of Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor

The article examines the evolution of the criminal policy related to countering crimes in the Soviet period. We pay special attention to the polysemy of the adopted normative legal acts that have a class-related component and that establish liability for counter-revolutionary crimes and especially dangerous state crimes.

Key words: criminal policy; criminal liability; decree legislation; criminal code; counter-revolutionary crime; terrorist act; representative of a foreign state.

12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law.

For citation: Marshakova N. N. Criminal Policy in the Sphere of Countering Terrorist Crimes in the Soviet period. *Ius publicum et privatum* : online scientific and practical journal of private and public law, 2021, no. 3 (13), pp. 60–65, DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-60-65.

Исследование становления и развития института ответственности за преступления террористической направленности невозможно без применения историко-правового метода, позволяющего познать конкретную социально-экономическую и политико-правовую обстановку в стране, уяснить во всем многообразии и многоаспектности уголовно-правовые явления, обусловившие принятие уголовного закона.

Неслучайно известные русские криминалисты Н. С. Таганцев и Н. Д. Сергеевский уделяли особое внимание изучению истории права, отмечали при этом значимость применения исторического толкования действующего законодательства¹.

Современные исследователи считают, что ретроспектива развития юридической мысли, получение системных научных знаний об уголовном законодательстве, уясне-

ние логики их эволюции требуют обращения к историко-правовому методу².

Изучение нормативных правовых актов Советского государства показало, что с первых дней своего существования органы власти уделяли особое внимание разработке основных направлений уголовной политики в области создания законодательства, в том числе ответственности за особо опасные государственные преступления.

В принятых законодательных актах предусматривались организационно-управленческие и уголовно-правовые меры регламентации ответственности за многочисленные преступные посягательства.

Вместе с тем неопределенность многих уголовно-правовых положений, отсутствие четко обозначенных видов наказаний, а также установленных пределов санкций, правил их назначения затрудняли правоприменительную деятельность. Все это способствовало активизации законодательной работы в данном направлении, в том числе по закреплению понятия контрреволюционных преступлений в принимаемых правовых актах.

В инструкции НКЮ от 19.12.1917 «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний»³ регламентировались организационно-управленческие и уголовно-правовые методы деятельности, конкретизировался порядок рассмотрения дел в процессе проведения заседаний и назначения наказаний, выделялись преступные деяния, посягающие на рабоче-крестьянскую власть. При установлении ответственности революционный трибунал предусматривал наказание, «руководствуясь обстоятельствами дела и велениями революционной совести».

В постановлении ВЦИК от 05.01.1918 «О признании контрреволюционным действием всех попыток присвоить себе функции государственной власти»⁴ указывалось, что «всякая попытка со стороны кого бы то ни было и какого бы то ни было учреждения присвоить себе те или иные функции государственной власти будет рассматриваться как контрреволюционные действия».

Сформулированные законодательные положения позволили расширить трактовку любого совершенного деяния и признать его контрреволюционным преступлением, направленным на присвоение полномочий государственной власти и на подрыв ее основ.

В циркуляре кассационного отдела ВЦИК от 06.10.1918⁵ была предпринята попытка

описать контрреволюционные преступления, направленные против рабоче-крестьянской власти. Согласно указанному акту виновным в контрреволюционной деятельности считался всякий, «кто организует контрреволюционные выступления против Рабоче-крестьянского правительства, участвует в них непосредственно или в подготовительной к ним стадии; или участвует во всевозможных контрреволюционных заговорах и организациях, ставящих своей целью свержение Советского правительства, хотя бы в результате его деятельности и не было контрреволюционного выступления; участвует непосредственно в выступлениях, хотя бы сам специально не был предуведомлен о таковых заранее и не состоял предварительно членом какой-либо организации, подготавливающей таковые». Одновременно с этим в данном циркуляре контрреволюционным преступлением признавалась дискредитация власти: «кто сообщением, распространением или разглашением явно ложных или непроверенных слухов путем печати или в публичных собраниях, или в публичном месте, могущих вызвать общественную панику или посеять недовольство или недоверие к советской власти или отдельным его представителям, или с умыслом дискредитирует советскую власть в глазах у населения»; «всякие выступления, независимо от поводов, по которым они возникли, против советов или исполнительных комитетов или отдельных советских учреждений»⁶.

С контрреволюционными преступлениями указанный правовой циркуляр связывал наряду с другими преступлениями и террористический акт, подсудность относилась к революционным трибуналам. Характерной особенностью принимаемых в указанный период нормативных правовых актов являлось то, что в них не предусматривались виды наказаний, а лица, совершившие деяния, наказывались «по всей строгости революционных законов». Согласно положению «О революционных трибуналах», утвержденному Декретом ВЦИК от 12.04.1919⁷, трибуналы выносят приговоры, руководствуясь исключительно обстоятельствами дела и велениями революционной власти, в связи с чем им предоставлялось ничем не ограниченное право в определении мер репрессии.

В условиях активизации сопротивления свергнутых эксплуататорских классов законодателем 20 ноября 1919 г. в Положении о революционных военных трибуналах⁸ было конкретизировано понятие контрреволю-

ционного преступления, а также расширен их перечень. Примером может служить криминализация деяния, связанного с умышленным уничтожением или повреждением железнодорожных линий, мостов и прочих сооружений, а равно телеграфных и телефонных линий и складов казенного имущества, которое можно отнести к преступлениям террористической направленности.

В условиях активизации подрывной деятельности, проводимой иностранными государствами против Советской республики, предпринимаемыми многочисленными скрытыми попытками ослабить ее обороноспособность, экономический и политический строй и таким образом подорвать основы государства, законодатель, реализуя основные направления уголовной политики, в 1922 г. принял Уголовный кодекс РСФСР.

В ст. 57 указанного нормативного акта дано понятие контрреволюционного преступления, под которым понималось «всякое действие, направленное на свержение завоеваний пролетарской власти рабоче-крестьянских советов и существующего на основании Конституции РСФСР рабоче-крестьянского правительства, а также действия в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену коммунизма, коммунистической системы, собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шантажа, финансирования прессы и тому подобными средствами»⁹.

Вторая часть статьи по настоянию В. И. Ленина включала в себя «действие в направлении помощи путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и тому подобными средствами», который считал необходимым подчеркнуть в ней опасность совершаемых деяний международной буржуазии свергнуть советскую власть насильственным путем¹⁰.

Вторая сессия ВЦИК X созыва 10 июня 1923 г.¹¹ расширила понятие контрреволюционного преступления и дополнила «действия, направленные на свержение советской власти» фразой «и на ее ослабление».

Понятие «контрреволюционное преступление» с некоторыми уточнениями формулировалось исходя из изменений основных приоритетов уголовной политики в переходный период, характеризующийся усилением классовой борьбы, активизацией враждебной деятельности, направленной на подрыв основных политических или хозяйственных завоеваний пролетарской революции¹².

Одновременно с этим в УК РСФСР 1922 г. впервые была предусмотрена специальная ответственность за террористический акт.

Согласно ст. 64 ответственность наступала за «участие в выполнении в контрреволюционных целях террористических актов, направленных против представителей советской власти или деятелей революционных рабоче-крестьянских организаций, хотя бы отдельный участник такого акта не принадлежал к контрреволюционной организации»¹³. Совершение указанных деяний каралось «высшей мерой наказания и конфискацией всего имущества с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения наказания до лишения свободы на срок не ниже пяти лет со строгой изоляцией и конфискацией всего имущества».

Одним из недостатков данной редакции являлось то, что в ней не раскрывался характер насилия за совершение террористического акта и не устанавливалась ответственность организаторов террористического акта. В дальнейшем постановлением IV сессии ВЦИК IX созыва 11 ноября 1922 г. в первоначальную редакцию ст. 64 было внесено изменение, согласно которому в ней предусматривалась ответственность за участие не только исполнителей террористического акта, но и лиц, организовавших его¹⁴.

После внесения изменений ст. 64 выглядела следующим образом: «организация в контрразведывательных целях террористических актов, направленных против представителей советской власти или деятелей революционно-крестьянских организаций, а равно участие в выполнении таких актов, хотя бы отдельный участник такого акта и не принадлежал к контрразведывательной организации».

В соответствии с Основными началами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г.¹⁵ в 1926 г. был принят второй советский уголовный кодекс РСФСР, в который с некоторыми редакционными изменениями включалась и рассматриваемая статья. Редакция статьи не содержала признаков террористического акта, а указывала только на отдельный круг лиц (представителей советской власти или деятелей рабоче-крестьянской организации). Содержание признаков террористического акта, а также конкретизация круга лиц, на которых осуществлено противоправное посягательство, определялось в каждом конкретном случае правоприменителем.

В дальнейшем понятие «контрреволюционное преступление» нашло свое закреп-

пление в Положении о преступлениях государственных, принятом в феврале 1927 г. на третьей сессии ЦИК СССР III созыва.

В ст. 1 положения было сформулировано понятие контрреволюционного преступления, в котором указывалось: «контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и избранных ими, на основании Конституции СССР и Конституций союзных и автономных республик, рабоче-крестьянских правительств Союза ССР, союзных и автономных республик или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции. В силу международной солидарности интересов всех трудящихся такие действия признаются контрреволюционными и тогда, когда они направлены на всякое другое государство трудящихся, хотя бы и не входящие в союз ССР». Без каких-либо изменений данное определение было включено в УК РСФСР и другие кодексы союзных республик.

Проводимое реформирование уголовного законодательства свидетельствует о том, что советская власть целенаправленно реализовывала уголовную политику, призванную обеспечить защиту завоевания пролетарской революции.

Образование единого государства СССР потребовало корректировки основных направлений уголовной политики и в области государственных преступлений. В утвержденном ВЦИК Союза ССР от 25.02.1927 Положении о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлений против порядка управления) получило дальнейшее развитие понятие контрреволюционного преступления, в частности дополнительно внеслись изменения в структуру статьи и ее содержание: во-первых, включался признак посягательства на внешнюю безопасность СССР и другое государство трудящихся, не входящее в СССР; во-вторых, признавались преступными действия, направленные не только на свержение, но и на подрыв и ослабление советской власти; в-третьих, контрреволюционными считались действия, совершенные с эвентуальным умыслом.

Указанные уточнения понятия контрреволюционного преступления обуславливались произошедшими изменениями форм классовой борьбы в восстановительный период по сравнению с периодом гражданской войны, а также новой формой экономической

контрреволюции, оказывающей сопротивление диктатуре пролетариата¹⁶.

Коренные изменения социально-экономических и политико-правовых отношений, произошедшие в послевоенный период в СССР, оказали существенное влияние на уголовную политику. Принятый 25 декабря 1958 г. на второй сессии Верховного Совета СССР V созыва закон «Об уголовной ответственности за государственные преступления» существенным образом изменил подход к разработке и реализации основных направлений уголовной политики в области противодействия контрреволюционным преступлениям, которые нашли реальное воплощение в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г.¹⁷ Принятые правотворческие решения являлись свидетельством нового этапа в развитии советского уголовного законодательства, в укреплении законности и правопорядка, отразили политические установки, доминирующие в государстве. Свидетельством этому может служить отказ от терминов «контрреволюционные преступления» и «враг народа», так как законодатель посчитал, что они в современных условиях лишены политического смысла¹⁸.

В указанный закон в число особо опасных государственных преступлений были включены две статьи: террористический акт (ст. 66) и террористический акт против представителя иностранного государства (ст. 67).

В уголовно-правовой доктрине указанные составы особо опасных государственных преступлений классифицировались на два вида, включающие посягательства: на политическую основу СССР – террористический акт (ст. 66); внешнюю безопасность СССР – террористический акт против представителя иностранного государства (ст. 67).

Такой подход в классификации указанных преступлений имеет важное теоретическое и практическое значение, а именно: позволяет отграничивать указанные преступления от смежных, правильно квалифицировать содеянное противоправное деяние; выявлять специфические особенности каждого состава преступления, облегчить установление признаков, характеризующих их¹⁹.

Диспозиция ст. 66 УК РСФСР включала в себя две формы противоправного деяния: убийство государственного или общественного деятеля или представителя власти, совершенное в связи с его государственной или общественной деятельностью с целью подрыва или ослабления советской власти (ч. 1); тяжкое телесное повреждение, причи-

ненное в тех же целях государственному или общественному деятелю или представителю власти в связи с его государственной или общественной деятельностью (ч. 2).

В ст. 67 предусматривалась ответственность за убийство представителя иностранного государства в целях провокации войны или международных осложнений (ч. 1); тяжкое телесное повреждение, причиненное тем же лицам с той же целью (ч. 2).

Указанные террористические проявления наказывались лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества или смертной казнью с конфискацией имущества (ч. 1 ст. 66, 67); лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с конфискацией имущества (ч. 2 ст. 66, 67).

Характерными особенностями конструкций указанных форм являются, во-первых, наличие специальной цели – подрыв или ослабление советской власти; во-вторых, отличительный признак объективной стороны – характер совершаемого посягательства на личность.

Уголовно-правовая доктрина и судебная практика при квалификации совершенных деяний признавала их оконченными при наступлении указанных в законе последствий. В каждом конкретном случае требовалось установить умысел на убийство или причинение тяжких телесных повреждений в сочетании со специальной целью: подрыв или ослабление советской власти либо провокация войны или международных осложнений. При ненаступлении желаемого результата по не зависящим от виновного обстоятельствам содеянное квалифицировалось как покушение на преступление.

В заключение отметим, что изучение становления и развития уголовной политики советского периода об ответственности за преступления террористической направ-

ленности позволило сделать следующие выводы:

1. Уголовная политика советского периода в области противодействия преступлениям террористической направленности на всех этапах развития Российского государства находила свое отражение в декретном, а затем и кодифицированном уголовном законодательстве (Уголовный кодекс РСФСР 1922 г., Уголовный кодекс РСФСР 1926 г., Уголовный кодекс РСФСР 1960 г.).

2. Регламентация уголовно-правовых положений в области противодействия преступлениям террористической направленности носила ярко выраженный классовый характер и в числе первоочередных включала в себя защиту рабоче-крестьянской власти.

3. Основные направления уголовной политики в области противодействия контрреволюционным преступлениям включали в себя создание законодательных и организационно-практических мер, позволяющих пресекать любые попытки присвоить себе функции государственной власти, и рассматривались как контрреволюционные действия.

4. Преступления террористической направленности (террористический акт, террористический акт против представителя иностранного государства) признавались политически мотивированным, особо опасным контрреволюционным (государственным) преступлением, направленным на подрыв или ослабление советской власти как социально-экономической и политико-правовой организации государства.

5. Юридическая конструкция составов преступлений, включающих террористические акты, постоянно совершенствовалась, дополнялись криминообразующие и квалифицирующие признаки, ужесточались санкции, что в ряде случаев негативно влияло на качество и эффективность противодействия указанным криминальным формам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Таганцев Н. С. Курс уголовного права. СПб., 1874. Вып. 1. С. 21; Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право : пособие к лекциям. Часть Общая. СПб., 1911. С. 8–9.

² См.: Волженкин Б. В. Служебные преступления. М., 2000. С. 7; Кузнецов А. П. Методологические основы уголовно-правовой науки : лекция. Н. Новгород, 2010. С. 26; Кузнецов А. П. Обязательные работы в уголовном законодательстве : моногр. Н. Новгород, 2020. С. 9.

³ См.: Собрание документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917–1952 гг. / под ред. И. Т. Голикова. М., 1963. С. 19–20.

⁴ См.: Там же. С. 21.

⁵ См.: Известия ВЦИК. 1918. 6 окт.

⁶ См.: Там же.

⁷ См.: Собр. узаконений РСФСР. 1919. № 13. Ст. 132.

⁸ См.: Там же. № 58. Ст. 549.

⁹ См.: Там же. 1922. № 15. Ст. 153.

¹⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 45 т. М., 1970. Т. 45. С. 189–191.

¹¹ См.: Собр. узаконений. 1923. № 48. Ст. 479.

¹² См.: Курс советского уголовного права. Государственные преступления и преступления против социалистической собственности. Часть особенная : в 6 томах. Т. IV. М., 1970. С. 70.

¹³ Собр. узаконений РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

¹⁴ См.: Там же. № 72–73. Ст. 906.

¹⁵ См.: Собр. законодательства СССР. 1924. № 24. Ст. 204.

¹⁶ См.: Курс советского уголовного права. Государственные преступления и преступления против социалистической собственности. С. 70–71.

¹⁷ См.: Вед. Верхов. Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

¹⁸ См.: Курс советского уголовного права. Государственные преступления и преступления против социалистической собственности. С. 72.

¹⁹ См.: Особо опасные государственные преступления. М., 1963. С. 15–16.

¹ См.: Tagancev N. S. Kurs ugolovnogogo prava. SPb., 1874. Vy'p. 1. S. 21; Sergeevskij N. D. Russkoe ugolovnoe pravo : posobie k lekciyam. Chast' Obshhaya. SPb., 1911. S. 8–9.

² См.: Volzhenkin B. V. Sluzhebny'e prestupleniya. M., 2000. S. 7; Kuznecov A. P. Metodologicheskie osnovy' ugolovno-pravovoj nauki : lekciya. N. Novgorod, 2010. S. 26; Kuznecov A. P. Obyazatel'ny'e raboty' v ugolovnom zakonodatel'stve : monogr. N. Novgorod, 2020. S. 9.

³ См.: Sobranie dokumentov po istorii ugolovnogogo zakonodatel'stva SSSR i RSFSR 1917–1952 gg. / pod red. I. T. Golikova. M., 1963. S. 19–20.

⁴ См.: Там же. С. 21.

⁵ См.: Izvestiya VCIK. 1918. 6 okt.

⁶ См.: Там же.

⁷ См.: Sobr. uzakonenij RSFSR. 1919. № 13. Ст. 132.

⁸ См.: Там же. № 58. Ст. 549.

⁹ См.: Там же. 1922. № 15. Ст. 153.

¹⁰ См.: Lenin V. I. Poln. sobr. soch. : v 45 t. M., 1970. T. 45. S. 189–191.

¹¹ См.: Sobr. uzakonenij. 1923. № 48. Ст. 479.

¹² См.: Курс советского уголовного права. Gosudarstvenny'e prestupleniya i prestupleniya protiv socialisticheskoy sobstvennosti. Chast' osobennaya : v 6 tomax. T. IV. M., 1970. S. 70.

¹³ Собр. узаконений RSFSR. 1922. № 15. Ст. 153.

¹⁴ См.: Там же. № 72–73. Ст. 906.

¹⁵ См.: Sobr. zakonodatel'stva SSSR. 1924. № 24. Ст. 204.

¹⁶ См.: Курс советского уголовного права. Gosudarstvenny'e prestupleniya i prestupleniya protiv socialisticheskoy sobstvennosti. S. 70–71.

¹⁷ См.: Вед. Verxov. Soveta RSFSR. 1960. № 40. Ст. 591.

¹⁸ См.: Курс советского уголовного права. Gosudarstvenny'e prestupleniya i prestupleniya protiv socialisticheskoy sobstvennosti. S. 72.

¹⁹ См.: Особо опасны'e gosudarstvenny'e prestupleniya. M., 1963. S. 15–16.